С. М. Волошина

https://orcid.org/0000-0002-0635-3574
✉ *s.m.voloshina@gmail.com*
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва)

«Право гражданства, приобретенное “Колоколом” в России»: присутствие «изгнанника» Герцена в документах III отделения

Аннотация. После отказа Герцена возвратиться в Россию и последовавшего за этим в 1851 г. лишения его российского подданства его имя становится запрещенным для публичного упоминания в России. Позже, с появлением изданий Вольной русской типографии в Лондоне (1853), запрет расширяется не только на физическое, но и «виртуальное» присутствие изгнанника Герцена в России. III отделение и некоторые другие властные структуры вынуждены были предпринимать все более масштабные и изощренные меры для «недопущения» Герцена в социально-политическое и культурное поле. Однако через некоторое время возникает парадокс: отсутствие Герцена в публичном поле, но все более обширное присутствие во властной коммуникации, прежде всего в документообороте III отделения, а позже — в переписке и личном общении обычных подданных, т. е. в неофициальной социально-политической сфере. Более того, популярность Герцена в России в конце 1850-х — начале 1860-х была такова, что он стал не просто политической фигурой, оппозиционным публицистом, но своего рода знаменитостью. Материалом для статьи послужили архивные источники, большая часть которых впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: Александр Герцен, эмиграция, лишение гражданства, перлюстрация, 1848 г., политическая история России XIX в., III отделение, Николай I

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: *Волошина С. М.* «Право гражданства, приобретенное “Колоколом” в России»: присутствие «изгнанника» Герцена в документах III отделения // Шаги/Steps. Т. 10. № 4. 2024. С. 270–302.

Поступило 8 февраля 2024 г.; принято 18 октября 2024 г.

© С. М. ВОЛОШИНА

https://doi.org/10.22394/2412-9410-2024-10-4-270-302

S. M. Voloshina

https://orcid.org: 0000-0002-0635-3574
✉ *s.m.voloshina@gmail.com*
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)

"The right of citizenship acquired by *Kolokol* in Russia": Presence of the exile Herzen in the files of the Third Department

Abstract. After Herzen's refusal to return to Russia and the subsequent deprivation of his citizenship and status rights (in 1851), his name was banned from public mention in Russia. With the establishment of the Free Russian Printing House in London (in 1853) and the appearance of its publications and periodicals (foremost *Poliarnaia Zvezda* ("The Polar Star") since 1855 and *Kolokol* ("The Bell") since 1857), the ban expanded not only to the physical, but also to the "virtual" presence of the exiled Herzen. The Third Department and other government structures were forced to take extensive and sophisticated measures to keep Herzen out of the socio-political and cultural field. However, after a while, a paradox arises: the absence of Herzen in the public field, but his increasingly extensive presence in government communication, primarily in the document flow of the Third Department, and later in correspondence and personal communication of ordinary people, that is, in fact, in the informal socio-political sphere. Moreover, Herzen's popularity in Russia in the late 1850s and early 1860s was such that he became not just a political figure, an opposition publicist, but a kind of celebrity, a public figure. The article is largely based on archival data, most of which is being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Alexander Herzen, emigration, deprivation of nationality, perlustration, 1848, political history of Russia in the 19th century, Third Department, Nicholas I

Acknowledgements. The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research programme.

To cite this article: Voloshina, S. M. (2024). "The right of citizenship acquired by *Kolokol* in Russia": Presence of the exile Herzen in the files of the Third Department. *Shagi / Steps*, *10*(4), 270–302. (In Russian).

Received February 8; accepted October 8, 2024

© S. M. VOLOSHINA

https://doi.org/10.22394/2412-9410-2024-10-4-270-302

В январе 1847 г. А. И. Герцен с семьей и домочадцами покинул Россию, как оказалось позже — навсегда. Полицейский надзор был снят с него незадолго до этого — в 1846 г.

Тем не менее довольно скоро, после французских событий 1848 г., его имя вновь возникает во властных документах — документах III отделения и министерств, к которым тайная полиция обращалась «по принадлежности», а также в императорских резолюциях (Николая I и Александра II) и их пометках на докладах.

После отказа Герцена возвратиться в Россию[1] и последовавшего за этим лишения его всех прав состояния, т. е. перевода из числа российских подданных в изгнанники, его имя становится запрещенным для публичного упоминания в России.

С основанием Герценом Вольной русской типографии в Лондоне (1853) и появлением ее изданий (среди них — «Полярной звезды» в 1855 г. и «Колокола» в 1857 г.) запрет расширяется не только на физическое, но и на «виртуальное» присутствие изгнанника в России (имеются в виду Герцен как автор публикаций и издатель Вольной русской типографии, присутствие и циркуляция этих изданий в Российской империи, влияние их на общественное мнение; а также Герцен как политически, социально, культурно значимая фигура, объект для обсуждения, «толков и сплетен», незримо присутствующий в России и обладающий значительным социальным капиталом). III отделение и некоторые другие властные структуры были вынуждены предпринимать все более масштабные и изощренные меры для «недопущения» Герцена в социально-политическое и культурное поле. С ростом популярности герценовских изданий, влияния его слова, с увеличением масштаба его персоны ужесточается «режим молчания» вокруг его имени. Через некоторое время возникает и усиливается расхождение: отсутствие Герцена в публичном поле, но все более обширное присутствие во властной коммуникации, прежде всего в документообороте III отделения, а позже — в переписке и личном общении обычных подданных, т. е., собственно, в неофициальной социально-политической сфере.

В начале нового царствования с формально отсутствующим Герценом в России завязывается во многом непрямой, но постоянный диалог, который интенсифицируется с появлением «Колокола», оперативно реагирующего на российские события. Формы этого диалога, как и незримого присутствия Герцена в непубличном дискурсе, были разнообразны, и большая их часть фиксировалась III отделением (или велась с его участием).

---

[1] Герцен передал свой отказ вернуться в Россию в письме А. Ф. Орлову от 23/11 сентября 1850 г. [Герцен 1954–1966 (24): 143–144]. 1 сентября 1851 г. Государственный совет постановил: «за невозвращение из-за границы по вызову правительства» «подсудимого Герцена, лишив всех прав состояния, считать изгнанным навсегда из пределов государства ‹...› и имение, какое у него окажется, отдать законным по нем наследникам». 26 сентября 1851 г. Николай I утвердил это постановление [Герцен 1950: 101–103].

Прямая коммуникация с Герценом шла и в Англии, где его дом (точнее, дома: Герцен с семьей часто переезжал) стал одним из мест своеобразного паломничества российских подданных, нередко перевозивших с собой письма и публикации — в обе стороны. Кроме того, и в Англии, и на континенте (прежде всего во Франции), куда изредка выезжал Герцен, за ним велось наблюдение — как профессиональными агентами, так и добровольцами, которые также доставляли властям сведения о его деятельности и жизни.

Таким профессиональным наблюдателем за Герценом начиная с 1857–1858 гг. был, например, один из руководящих чиновников III отделения А. К. Гедерштерн (см.: [Розенблюм 1959: 688]). Проблема для властей в этом случае состояла в относительной прозрачности этого взаимодействия: Герцен знал о приезде представителя тайной полиции в Лондон в 1858 г., о чем и писал в «Колоколе» («Старший чиновник III Отделения, действительный статский советник Гедерштерн, путешествует по Европе с *специально-учеными целями*», — сообщалось в заметке «Предостережения» в листе 23–24 «Колокола» от 15 сентября), а также позже, весной 1860 г.

Относительно прямой диалог Герцена с представителями российской власти велся во время подготовки крестьянской реформы. Так, в журнале общего присутствия Редакционных комиссий 23 марта 1859 г. есть запись сообщения Я. И. Ростовцева:

> «Я должен сообщить вам, господа, что из III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, по особому разрешению, будут присылать в Комиссию один экземпляр “Колокола” ‹...› для того, чтобы мы все знали, что об нас будут писать за границей; я буду вас просить, чтобы вы и из “Колокола” заимствовали и приняли в соображение все, что́ только может быть полезно и применено к исправлению наших трудов и усовершенствованию проекта положений». У **Арапетова** вырвались слова: «как, неужели заимствовать у Герцена?» **Ростовцов** [sic!] отвечал: «что нам за дело до личностей? Кто бы ни сказал полезное, мы должны воспользоваться» [Семенов 1889: 114].

Со своей стороны, Герцен знал о внимании к нему российской власти и учитывал его в составлении соответствующих статей в своих изданиях. «Александр Николаевич (т. е. Александр II. — *С. В.*) взял мысль о *выкупе* из V кн<иги> “Голосов” и из “Колокола”. Ростовцев в своем комитете указал на них», — отмечал он в письме А. А. Чумикову от 26 мая / 7 июня 1859 г. [Герцен 1954–1966 (26): 271].

Еще один (также косвенный) диалог Герцен вел с членом Государственного совета М. А. Корфом по поводу его книги «Восшествие на престол императора Николая I-го» (выпущенной третьим — на этот раз «для публики», а не только царской семьи, — изданием в августе 1857 г.). Резкая критика этой книги заставила Корфа написать объяснение, которое он, однако, выслал главе III отделения В. А. Долгорукову:

> «Колокол» в руках у государя, и друзья мои, конечно, не упустят этого доброго случая мне услужить. Надо же чем-нибудь им противодействовать, и вот я написал мой plaidoyer (Защитительное слово. — *Примеч.*), который предаю на ваш суд, любезный князь. Помогите мне здесь, как всегда. Очень чувствую, что бумага моя никуда не годится, потому что я никогда не упражнялся в литературной полемике, и у меня недостает на такие отпоры ни остроты, ни нужной дозы насмешливости [Сыроечковский 1925: 310].

К диалогу присоединился и Александр II, написавший на докладной записке резолюцию, обращенную к Корфу: «На бранные слова Герцена советую Вам плевать, они большего не заслуживают» [Сыроечковский 1925: 311].

«Голос» Герцена в этом случае не замолк и стал ближе: в 1861 г. его «Письмо (по поводу книги барона Корфа)» вместе со статьей Огарева «Разбор книги Корфа» было отлитографировано нелегально в Москве кружком Заичневского и Аргиропуло. [Герцен 1954–1966 (13): 503].

Включить Герцена в область своих постоянных интересов (точнее, забот) вынуждены были не только высшее чиновничество и начальство III отделения, но и штаб-офицеры корпуса жандармов в провинции. Их рапорты дают возможность узнать мнения «среднего звена» власти о фигуре изгнанника. Кроме того, эти доклады представляют срез общественного мнения о политической и идеологической ситуации в Российской империи, а также о степени вовлеченности разных сословий в обсуждение политических тем и рефлексию по их поводу.

Если у властей был профессиональный интерес к Герцену, его незримое, но явное присутствие все сильнее ощущалось и среди читателей разных сословий. Сведения об этом собирало и фиксировало то же III отделение: выписки из перлюстрированных писем и рапорты агентов о «слухах и толках» были традиционным источником информации о подданных и их взглядах и мнениях. Выяснялось, что подданные выстраивали определенный образ Герцена (в зависимости от собственного уровня образования, политической ориентации, возраста, кругозора). Более того: популярность Герцена в России в конце 1850-х — начале 1860-х годов была такова, что он стал не просто политической фигурой, оппозиционным публицистом, но своего рода знаменитостью, к которой формируется и сугубо эмоциональное, личное отношение.

В архиве III отделения хранится значительное количество дел, в которых регистрируются и описываются факты и степень «присутствия» Герцена, мнения представителей разных сословий о нем, а также попытки и меры его ограничения. В статье фокусируется внимание на раннем этапе этого присутствия: с момента обнаружения властью Герцена за границей и определения его как потенциально опасной персоны и до 1860–1861 гг. — периода заметно возрастающей популярности Герцена, почти пика его «виртуального бытия» в России.

Основным материалом служат дела III отделения, посвященные рефлексии над увеличивающей свое присутствие в России фигуре Герцена. Дел, касающихся, так сказать, технической стороны (путей и способов транспортировки и распространения продукции его типографии в России, таможенных, полицейских и прочих инструментов ограничения ее циркуляции, организации слежки за Герценом и его сподвижниками за границей, дипломатических переговоров с иностранными государствами и т. д.), так много, что представляется рациональным отделить их от тех, что составляют собственно содержательную сторону «виртуального возвращения» Герцена на родину, и не включать в настоящую работу, превратившуюся бы в этом случае в монографию.

«Обнаружение» Герцена

Присутствие Герцена во Франции было обнаружено III отделением летом 1848 г. благодаря перлюстрации письма его двоюродного брата, фотографа С. Л. Левицкого (один из нечастых случаев, когда перлюстрация фиксировала не просто частное мнение, а факты). 2 июня 1848 г. Левицкий из Парижа сообщал А. В. Поленову:

> Мне горько ‹...›, но становится еще грустнее каждый раз, когда увижу Александра Герцена, который опять прикатил сюда, вероятно, привлеченный революциею; гуляет и кутит с демократами. Прошу никому не говорить о Герцене [Герцен 1915–1925 (5): 260–261].

Говорить никому не пришлось: III отделение теперь следило за содержанием писем Левицкого (попутно собирая справки как о нем, так и о его адресатах, расширяя таким образом поле наблюдения).

27 июня 1848 г. министр иностранных дел граф К. В. Нессельроде отвечал на запрос главноначальствующего III отделением графа А. Ф. Орлова, что «находящемуся в Париже действительному статскому советнику Киселеву» «предписано было ‹...› обратить внимание на поведение надворного советника Герцена и уведомить меня (К. В. Нессельроде. — *С. В.*) как о поступках этого чиновника, так и о том, когда он отправится обратно в Россию»[2].

Удивительно, что до этого момента Герцен оставался невидимым для властей, и даже агент III отделения в Париже Я. Н. Толстой не упоминал в это время о Герцене в своих донесениях (по крайней мере таковые не сохранились)[3].

Обширное послание от Нессельроде (приславшего рапорт Н. Д. Киселева на французском языке) пришло только через год (датировано 26 июня 1849 г.). Вероятно, в ожидании новостей III отделение не воспользовалось

[2] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 239. Ч. 10. Л. 89. При цитировании источников сохраняются пунктуация и некоторые особенности орфографии.

[3] Подробнее о деятельности Я. Н. Толстого см.: [Тарле 1937; Черкасов 2008].

ранее собранными о Герцене данными[4]. Справка о нем была составлена только к середине июля 1849 г., и сведения из нее были позже добавлены к новым, парижским[5] [Красный архив 1937: 210].

На рапорте рукою Николая было написано (и ниже рукою Л. В. Дубельта скопировано):

> Очень замечательно, этот Герцен тот, который был мной выслан кажется в Кострому, а Наследником чрез Жуковского выпрошено прощение; надо наложить запрещение на имение, а ему немедля велеть возвратиться[6].

Николай, обладавший исключительной памятью (особенно на неблагонадежных подданных) при упоминании о Герцене сразу вспомнил, кто это, разве что перепутав город одной ссылки Герцена и забыв о второй.

В августе 1849 г. III отделение подвело предварительный итог собранным сведениям. Среди них была «выписка из частных сведений» — очередного перлюстрированного письма Левицкого от 24 июля / 7 августа[7] 1849 г. сестре С. Л. Поленовой:

> Вообразите, что Герцен, верно, напроказил, что его выслали из Франции ‹...›. Сколько мог я судить по одному разу, то я не думаю, что Луиза Ивановна сбережет до старости свой капитал. У ней, кажется, открытый кредит всем коммунистам и баррикадистам с целой Европы, — она дает и помогает всем, разумеется, не из политических видов, а просто от глупой доброты...[8]

Вполне возможно, именно эти сведения утвердили власть в решении не только секвестировать имение Герцена, но и задержать капитал его матери (история, сколь подробно, столь и блистательно рассказанная Герценом в пятой части «Былого и дум»)

Августовский документ заканчивался так:

> Во исполнение ‹...› Высочайшего повеления, в июле 1849 г. министр юстиции предложил Правительствующему Сенату о наложении на имение Герцена запрещения, а тайный советник Сенявин ныне установил, что по случаю выезда Герцена из Парижа в Швейцарию, дано предписание нашему Посланнику объявить ему, Герцену, означенное повеление о немедленном возвраще-

---

[4] Герцен в пятой части «Былого и дум», описывая свой визит в префектуру Парижа в 1849 г., упоминает «досье» III отделения, которое он видел еще до своего отъезда за границу: «Это был второй том романа, первую часть которого я видел когда-то в руках Дубельта» [Герцен 1954–1966 (10): 146]. Большая часть этого «досье» вошла в обширное дело «Об Александре Герцене» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 239. Ч. 10. 668 л.).

[5] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 239. Ч. 10. Л. 148–150 об. Справка опубликована с комментариями в: Красный архив. 1937. Т. 2 (81). С. 210–211.

[6] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 239. Ч. 10. Л. 90.

[7] Датировка по рукописи. Дата, обозначенная М. К. Лемке в собрании сочинений А. И. Герцена (24 июня), неверна [Герцен 1915–1925 (5): 261].

[8] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 239. Ч. 10. Л. 113–113 об. Ср. публикацию: [Герцен 1915–1925 (5): 261].

> нии в Россию, и отобрать от него подписку чрез какой пункт границы поедет и когда именно[9].

Как известно, Герцен в Россию не вернулся, но с этого момента его фигура появляется и закрепляется в политическом поле России, пока что только во властном документообороте — во всеподданнейшем отчете за 1849 г.

В подглавке «Русские изгнанники» [Отчеты 2006: 425] после упоминания «изгнанника Головина» и «известного Бакунина» автор отчета (предположительно Л. В. Дубельт) пишет о «российских подданных», замеченных «в сношениях с парижскими революционерами», и среди них о Герцене. Любопытно, что Герцен в это время еще не официальный изгнанник, но упоминается сразу после таковых: предзнаменование, которому суждено через год сбыться.

1853 г. и основание Вольной русской типографии

Первой попыткой незримого возвращения на родину стал 1853 г., когда Герцен основал Вольную русскую типографию в Лондоне.

В письме М. К. Рейхель от 12/24 февраля 1853 г. он сообщал о своем начинании, однако уже через несколько дней, 19 февраля / 3 марта, досадовал на молчание потенциальных русских корреспондентов:

> Неужели наши друзья не имеют ничего сообщить, неужели не имеют желание даже прочесть что-нибудь? ‹...› Проект моей типографии очень важен. ‹...› Если им (русским. — *С. В.*) нечего говорить, если им приятнее молчать безопасно, нежели с опасностью говорить (очень небольшой, ибо ничье имя не будет упомянуто, кроме моего и мертвых), — значит, что и будущий переворот застанет нас с тем же добрым стадом пастыря Николая и сынов его, как 48 год [Герцен 1954–1966 (25): 25].

Действительно, в это время имя Герцена присутствует почти исключительно во властной официальной переписке. С появлением Вольной русской типографии и ее изданий круг корреспондентов расширяется: помимо главы III отделения, в него входят также начальство министерств иностранных дел, финансов и народного просвещения. С лета 1853 г. круг «свидетелей Герцена» несколько демократизируется по составу и снова прирастает — штаб-офицерами корпуса жандармов нескольких округов и некоторыми представителями власти на местах (среди прочих, петербургским дворянским предводителем).

Вероятно, Герцен, не быв на родине несколько лет, мог забыть о сложностях импорта и распространения печатной продукции на территории Российской империи при Николае I и поэтому сетовал на нежелание друзей и соратников присылать контрибуции. О появлении типографии в

[9] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 239. Ч. 10. Л. 115–115 об.

III отделении узнали еще до попыток распространения ее изданий в России и постарались не пустить «призрак Герцена» через границу.

22 июня 1853 г. Управляющий министерством, товарищ министра иностранных дел Л. Г. Сенявин представил «на благоусмотрение» главы III отделения присланную ему генеральным консулом в Брюсселе «вырезку из тамошней демократической газеты “la Nation”, заключающую в себе объявление изгнанника Александра Герцена об учрежденной им в Лондоне российской типографии для печатания возмутительных сочинений»[10].

Главноначальствующий III отделением граф А. Ф. Орлов создал циркулярную рассылку «к гг. министру финансов, управляющему министерством народного просвещения, наместнику Царства Польского, генерал-губернаторам пограничных губерний Империи, прося их распоряжений к обращению строжайшего внимания на привозимые в наши пределы русские книги и к воспрепятствованию ввоза таковых книг, печатанных в означенной типографии»[11].

Один из адресатов рассылки, министр финансов П. Ф. Брок, прозорливо заподозрил возможную уловку со стороны Герцена и предложил масштабную меру к ее пресечению. Брок подумал, что на герценовских книгах и брошюрах может быть выставлено фальшивое место издания — «один из российских городов», поэтому надо, «чтобы впредь в цензуру отсылались из таможен все без изъятия русские книги и листы привозимые из-за границы, т. е. как те кои будут напечатаны в чужих краях, так и те на коих будет означено, что они напечатаны в России, с одобрения нашего цензора»[12].

Таким образом, в последние годы правления Николая I в России сложилась парадоксальная ситуация: всего лишь угроза проникновения Герцена в российское информационное поле направляла властные мысли к изобретению экстраординарных мер пресечения, а также к усилению цензуры.

«Полярная звезда» и «Колокол»

Следующей важной вехой в процессе «виртуального» возвращения Герцена на родину стал 1857 г.

В 1855 г. Герцен начал издание альманаха «Полярная звезда». Идея об альманахе пришла к нему довольно скоро после смерти Николая I, и с тех пор огорчавшее молчание соотечественников, т. е. отсутствие корреспонденций со сведениями о жизни в России, сменилось ликованием от количества приходящей информации «с мест».

В России же начался новый виток административной переписки о Герцене, поводом к которому вновь стала перлюстрация. В письме от 26 декабря 1856 г. некий А. Тургенев из Петербурга сообщал И. Г. Щеткину в Москву:

[10] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 239. Ч. 10. Л. 244–244 об.
[11] Там же. Л. 247–247 об.
[12] Там же. Л. 252 об.–253.

> Здесь идет молва, что предатель русский Герцен выслал в Россию тысячу тысяч воззваний, возмущающих народ русской и что в низовых губерниях множество таковых воззваний в народе. Говорят, что у Герцена много приятелей в толпе литераторов, журналистов и пр. и пр.[13]

Уже 3 января 1857 г. новый главноначальствующий III отделения генерал-адъютант князь В. А. Долгоруков выслал циркуляр начальнику 2-го округа корпуса жандармов (а также начальникам других округов).

> Несмотря на все меры, принятые правительством к воспрепятствованию ввоза в наши пределы возмутительных воззваний, печатаемых за границею на русском языке изгнанником Герценом, злоумышленники успели кажется распространить в России эти воззвания, и ныне получено мною сведение, что оные появились в некоторых из губерний вверенного Вашему Превосходительству округа, где не только читаются многими, но возбуждают даже, в особенности между литераторами и журналистами сочувствие к Герцену. Вместе с тем сообщено мне также, что у многих находятся рукописные сочинения политического содержания, по разным вопросам, составляющим в настоящее время предмет разговоров и суждений публики[14].

Из дела неясно, были ли у главы III отделения иные (кроме «молвы», упомянутой в письме А. Тургенева) источники сведений о распространении герценовских «воззваний» в России, а также каким образом проявлялось «сочувствие к Герцену» в подцензурной прессе. Тем не менее начальство приказывало «предписать подведомственным ‹...› штабофицерам Корпуса жандармов иметь за вышеозначенными сочинениями самое бдительное и строгое наблюдение и стараясь всеми мерами к обнаружению этих сочинений, ежели бы оные в самом деле находились у кого-либо, о каждом таком случае немедленно доносить» ему, Долгорукову[15].

Помимо прямого смысла этого распоряжения нельзя не отметить и подспудный: с точки зрения главы III отделения в начале александровского правления, тексты «по разным вопросам, составляющим в настоящее время предмет разговоров и суждений публики» читать и обсуждать обычным подданным было предосудительно.

В деле, судя по всему, находились и сами «возмутительные воззвания, печатаемые за границею на русском языке изгнанником Герценом», но в апреле 1857 г. они были перенесены «для присоединения к таковым же сочинениям ‹...› хранящимся в секретном архиве г. Управлявшего 3-м Отделением С. Е. И. В. К.»[16].

---

[13] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 239. Ч. 10. Л. 378. Ср. публикацию: [Герцен 1915–1925 (8): 533].

[14] Там же. Л. 379–379 об.

[15] Там же.

[16] Там же. Л. 380.

Вместо этого в деле остался некий перевод «из 63 нумера Allgemeine Zeitung статьи под заглавием: der Russe Herzen» (оригинальной статьи в упомянутом номере газеты найти не удалось). Вероятно, перевод этот (первоисточник носил явно одобрительный, чуть ли не рекламный по отношению к «русскому Герцену» и его предприятию характер) был сделан для сведения штаб-офицеров, которым предписано было строго следить за появлением изданий типографии. Жандармы должны были иметь представление о том, что именно им нужно отыскивать и запрещать, однако автор перевода сам явно был незнаком с запрещаемыми текстами, по крайней мере названия многих из них представлены некорректно.

> Первая русская типография, не знающая цензоров, учреждена в Лондоне, в феврале 1853 г., Александром Герценом, человеком одаренным большим умом. Предприимчивый владетель оной, достал себе русские литтеры из той самой Парижской словолитни, которая снабжает оными Государственную типографию в С. Петербурге, и по этой причине он, шутя, называет свое учреждение «Imprimérie Imperialiste et Révolutionnaire». Деятельность этой типографии, во всяком случае заслуживает признательность в литтературном отношении, имея между прочим целью спасти от забвения русские стихотворения переходящие из рук в руки лишь в манускриптах, и дополнять сочинения Пушкина, Лермонтова и других в местах искаженных императорскою цензурою. Поныне изданы г. Герценом следующие сочинения: «День Св. Юрия», «К русскому дворянству», «К русским солдатам в Польше», «Крещение права собственности», «Отрывочные рассказы», «Плен и изгнание», «Письма из Франции и Италии», «С другого берега», «О двух лицах Св. Кондратия», «Два письма Пугачева», «К русским пленным во Франции», «О русском Боге» и проч. Как говорят, Польской демократической централизации удалось перебросить чрез Китайскую стену, окружающую российскую Польшу, огромное количество экземпляров этих литтературных произведений, там вовсе еще неизвестных, распространив оные равномерно и на берегах Черного моря и Финляндии. Русские пленные, находящиеся в Англии, рассказывают, что оставляя Аландские острова, они видели в руках тамошних жителей брошюры присланные из Лондона. С английским правительством г. Герцен не имеет никаких сношений, что объясняется впрочем уже революционным духом его предприятий[17].

Неизвестно, был ли этот любопытный переводной документ вместе с предписанием В. А. Долгорукова разослан штаб-офицерам, но с ноября 1857 г. от них стали приходить ответные рапорты (с пометками «весьма секретно»).

Содержание этих рапортов представляет собой одно из важных следствий незримого присутствия Герцена в России: жандармы теперь были

[17] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 239. Ч. 10. Л. 381–382.

вынуждены официально и письменно размышлять о широте интересов, уровне просвещения и политической осознанности, а также идеологических воззрениях жителей подведомственных территорий. Некоторые рапорты представляют собой опыты социологических обозрений и анализа, а иногда даже критику существующих условий общественной жизни, указания на несовершенство государственных учреждений и предложения к их улучшению. Удивительным образом появление резкой критики извне заставило некоторых штаб-офицеров актуализировать собственное критическое мышление.

Одним из самых смелых в отношении критического анализа и информативным в представлении культурного и социально-политического ландшафта как губернии, так и России, выглядит рапорт генерал-майора А. А. Куцынского, начальника IV округа корпуса жандармов (из г. Вильно).

В своем рапорте Куцынский демонстрирует трезвое понимание специфики получения информации: вряд ли кто-то признается жандарму в чтении и хранении запрещенной литературы («Ручаться нельзя, чтобы кто-либо не провез из заграницы и самых сочинений; но разве только особый случай это обнаружит»). Тем не менее он обнаруживает хорошую осведомленность об изданиях Герцена и источниках их распространения: издания эти «можно иметь, по особой доверенности и за известную плату, от наших столичных книгопродавцев». Однако же за «простой народ» тревожиться не следует: само «иностранное» имя Герцена настораживает, а трудности получения его изданий и угроза наказания за них — отталкивают[18].

> По мнению моему, произведения нерусского имени, попадающие к нам случайно, из чужих краев, произведения, с которыми нужно скрываться, и за которые можно подвергнуться ответственности, неудобно проникают в массу простого народа — не могут так к нему привиться. Герцена многие считают за немца, морочащего люд православный[19].

Малую заинтересованность непривилегированных сословий в политической литературе отмечали и другие штаб-офицеры: так, из Лифляндии сообщали «о русских купцах, преданных исключительно торговым своим оборотам, и мало занимающихся чтением и политикой»[20].

Большая же часть рапорта Куцынского посвящена анализу современной публицистики и ее связи с общим духом времени.

По его мнению, такая проблема, как Герцен, — часть общей проблемы либерализации страны: российские подцензурные публицисты склонны слишком широко трактовать некоторые новые политические вольности. «Вредно весьма то, что некоторые наши журналы, особенно московские,

---

[18] Действительно, с 1858 г. появляется все больше дел об арестах книгопродавцев, подпольно торгующих изданиями Герцена, и подозрительных лиц, выступающих посредниками между потенциальными покупателями и «импортерами».

[19] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 239. Ч. 10. Л. 428–433.

[20] Там же. Л. 423.

слишком широко пользуются — или ослаблением цензурных правил — или недосмотром самых цензоров...» Популярные газеты печатают то, что может подвигнуть «чернь» на вредные сравнения и трактовки, считал Куцынский и приводил цитату из «народной газеты “Северная пчела” — читаемой и в мелочных лавках, и в харчевнях и в кабаках». В ней «рассуждения, не знаю, пригодны ли даже для французов, но передавать их в нашу популярную газету вовсе бы не следовало...»[21]

Описания же злоупотреблений в отечественной прессе ни к чему доброму не приведут: они не искоренят ни самого зла, ни его источников, а лишь породят новые криминальные идеи в головах неблагонадежных людей. Кроме того, Куцынский пользуется рапортом об изданиях Герцена для того, чтобы сообщить начальству сведения совершенно в духе этих изданий: жалованье полицейских чинов в провинции так ничтожно, что коррупция неизбежна, и бороться с ней язвительными статьями М. Е. Салтыкова-Щедрина бессмысленно.

> А Губернские очерки Салтыкова и статьи в Экономическом указателе и Русском вестнике о взятках, ни к чему не приведут, иной пожалуй еще выучится по ним большей ловкости и тонкости в злоупотреблениях. Эти статьи такое же будут иметь действие, как известная басня Крылова, где кот васька [sic!] слушает да ест. Чиновники наших полиций получают столько жалования от Правительства сколько лишь необходимо на содержание канцелярий и наем писцов — в уездных городах квартальные офицеры получают от 50-ти до 60-ти рублей в год, и то неисправно. Какое содержание вообще у нас по министерству юстиции? Все это существует или добровольными приношениями, или вымогательствами, и пока не будут обеспечены чиновники, никакие строгие меры и преследования, никакие сатирические статьи не искоренят взятничества [sic!], а только насмешат многих и произведут соблазн[22].

Продемонстрировав хорошее знание современной периодики и ее имен, Куцынский обращает внимание высшего начальства не только на «лондонского Герцена», а на местные, российские публицистические фигуры. И первый, и вторые представляют собой части единого процесса — плохо контролируемого властями потока либерализации и гласности, который может привести к смене политического режима.

> Следя и соображая все, иногда зарождается мысль, что Лондонский Герцен много имеет сочувствия в наших литераторах; и сии последние ежели не так нагло, с тем же однако взглядом на вещи, и в иных формах, иными путями, но стремятся к одной цели, т. е. конечной перемене настоящего порядка вещей[23].

[21] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 239. Ч. 10. Л. 433–433 об.
[22] Там же.
[23] Там же. Л. 434 об.–435.

Начальник округа жандармов отмечает и вовсе новое для российских реалий явление: появление (политической) знаменитости[24]. Герцен к началу 1860-х годов имел и определенную репутацию, и славу, и известность. «Знаменитая личность знакома тем, у кого нет ни малейших причин иметь о ней какое-либо мнение, кто прямо никак не заинтересован в вынесении собственных суждений о ее личных качествах и профессиональных навыках» [Лилти 2018: 12]. С конца 1850-х годов о Герцене «имеют мнение» не только заинтересованные лица (служащие III отделения или иные представители власти), не только читатели герценовских изданий, но и те, кто был знаком с его именем и деятельностью по рассказам и слухам (записи о мнениях этих последних также сохранены в архиве III отделения).

Одним из косвенных свидетельств популярности Герцена можно считать курьезный недосмотр цензуры, вымаравшей некую статью в иностранной газете, но забывшей закрасить чернилами подпись ее автора — Герцена. Публика, приученная видеть скрытые зашифрованные послания в любых отклонениях от принятых норм в цензурных практиках, заподозрила здесь тайный (политический?) знак — только из-за присутствия одной фамилии изгнанника.

В донесении агента III отделения от 16 октября 1861 г. сообщалось:

> В кондитерской Вольфа, у Полицейского моста, обращает на себя внимание поступивший № «Indépendance Belge» от 17-го октября, в котором вычернена какая-то статья, под которою оставлено, однако ж, имя автора — Александра Герцена. — Публика полагает, что эта статья касается студентов и что имя Герцена оставлено нарочно невычерненным, чтобы подстрекнуть ее любопытство[25].

В некоторых рапортах штаб-офицеров отмечено еще одно свидетельство знаменитости Герцена: его публикации приобретают за границей не для чтения или распространения, а как сувенир. Так, майор Лосев из Витебской губернии сообщал: «...в настоящее время устранены прежние препятствия к выезду за границу и теперь путешествуют весьма многие помещики даже с ограниченным состоянием», так что «кто-нибудь из них вывез сочинение Герцена, но его не распространяет, а держит только в секрете для редкости»[26].

---

[24] Здесь можно воспользоваться различением понятий («слава», «репутация», «известность» и т. д.), предложенным Антуаном Лилти: «Слава относится к героям, святым, выдающимся личностям, ко всем тем фигурам, чье прославление всегда играло существенную роль в западной культуре ‹...› Другое — репутация обычного человека, чьи личные и профессиональные качества оцениваются теми, кому он известен и среди кого он вращается ‹...› Знаменитость сразу же перестает подчиняться критериям, определяющим репутацию. Когда писатель, актер или преступник становятся знаменитыми, интерес публики к ним измеряется иными критериями, нежели те, по каким оценивается их профессиональная деятельность. Они становятся публичными фигурами; отныне о них судят не только по их профессиональным качествам, но и по умению пробуждать и удерживать интерес публики» [Лилти 2018: 11–13].

[25] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. С/а. Оп. 1. д. 88. Л. 11.

[26] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 239. Ч. 10. Л. 420–420 об.

Более того, нелегальная продажа изданий Герцена превращалась в доходный «бизнес». Так, в донесении 21 июля 1861 г. агент сообщал о подслушанном разговоре на Адмиралтейском бульваре о покупке «сочинений Герцена на почтовых пароходах ходящих отсюда в заграничные порты». Агент решил проверить справедливость этих слов у некоего знакомого, «служащего на одном из пароходов плавающих в Ригу», и жена того сообщила, что «действительно привозят из за границы какие-то русские газеты и продают здесь довольно дорого»[27].

Об известности (и популярности) Герцена в это время писали многие, и в письмах, мемуарах и иной эго-литературе сохранилось немало ярких свидетельств о масштабе этой известности, однако в данной работе рассмотрению подлежат письменные документы за авторством III отделения или зафиксированные им.

Возвращаясь к рапорту Куцынского, отметим, что он чутко отметил еще одно назревавшее изменение. В новом времени стремление к знаменитости (популярности) становится соблазном для издателей и публицистов, и знаменитость, как оказывается, претендует на большую свободу действий и выражения мнений и перестает считаться с общими ограничениями:

> Многих пишущих у нас, по-видимому, отуманило нынешнее стремление к популярности, — во что бы то ни стало, а следует добыть ее наконец и что журналы, которые не стесняясь обо всем судят и рядят, находят в толпе более симпатии. Начав с разбора станового пристава, дошли уже до 3-го класса, вероятно пойдут и далее[28].

Вообще же, судя по жандармским рапортам — ответам на циркуляр, интерес жителей западных и прибалтийских губерний к оппозиционным изданиям Герцена был минимальным, как и вообще осведомленность о них[29]. В частности, «исправляющий должность штаб-офицера» в Ковенской губернии уверял:

> Вообще здешнее дворянство как и прочие состояния народа, обнаруживают чувства сердечной верноподданнической преданности и любви, к благополучию ныне царствующему Монарху, сознавая вполне непритворную благодарность, за Всемилостивейшее отменение испытываемых прежде ими ограничений некоторых прав.

«Сочинений Герцена», по его сведениям, в губернию не проникало, и даже их содержание «не было кому-либо известно». А если бы и стало известно, продолжал он логическую цепочку, то вызвало бы неприятие. «Само содержание сочинений Герцена, не льстящее видам

[27] ГАРФ. Ф. 109. С/а. Оп. 1. Д. 88. Л. 12.
[28] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 239. Ч. 10. Л. 435.
[29] Фиксация и анализ III отделением событий, связанных с царством Польским и распространением там запрещенной литературы, выходит за рамки настоящей статьи.

владельцев, а даже угрожающее им, послужит с их стороны поводом к непременному на случай таковых появления обнаружению их перед Правительством...»[30].

Жандармский штаб-офицер города Дерпта подполковник Рейхарт сообщал, что «усугубил ‹...› наблюдение по сему предмету», однако беспокоиться не о чем: «...до сих пор не замечал в г. Дерпте подобных сочинений, впрочем если бы здесь и появились такого рода книги, то вряд ли достигнут своей цели, потому, что вероятно напечатаны на русском языке, а русских книг здесь почти вовсе не читают»[31].

Лифляндский штаб-офицер полковник фон Гильдебрант, судя по рапорту, был одним из самых просвещенных среди коллег, а также явно имел литературные амбиции. Можно предположить, что поднявшаяся популярность упражнений в публицистике в начале правления Александра II затронула и некоторых жандармов.

Как и большинство других жандармов, фон Гильдебрант отрицал хождение герценовских изданий в подведомственной губернии, сведения же о них он узнавал от приезжих, «от лиц возвратившихся, или проезжающих чрез Ригу, из-за границы». Эти приезжие рассказывают

> ...о сочинениях Герцена, учредившего Русскую Типографию в Лондоне, и под именем Искандера издающего, для распространения в России — Периодическое возмутительное сочинение, под названием Полярной Звезды, служащее как бы продолжением издававшегося до 14-го декабря 1825-го года, злоумышленниками Бестужевым и Рылеевым, журнала под тем же наименованием. Сверх того Герцен, в дополнение к этому сочинению, выходящему в неопределенные сроки, издает еще Листок, под названием Колокола также в революционном духе, — что он владеет прекрасно русским языком, пишет едко и дерзко, и проповедывая [sic!] русскому народу свободу, порицает наше Правительство не щадя даже личностей занимающих высшие места. Все это известно здесь в кругу малого числа русских или знающих по-русски, большинству же публики состоящей из немцев, не знающих или плохо понимающих русский язык, едва ли что-либо достоверного известно о сочинениях Герцена...[32]

Так, само незнание русского языка, а также принадлежность к сословию, которое в основном выступает объектом критики Герцена, защищало местных жителей от «яда» его сочинений.

> Но если бы даже сочинения эти и появились в Риге, то они конечно не произведут опасного влияния на немногих читателей. Как лета их, так и известный мне образ мыслей служат ручательством, что они не увлекутся бреднями мнимого русского Патри-

[30] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 239. Ч. 10. Л. 428 об.
[31] Там же. Л. 405.
[32] Там же. Л. 422–423.

> ота Герцена, и мечтательной Утопией созданной неспокойным воображением его, —

завершал свой отчет штаб-офицер[33].

Надежду на консерватизм старого дворянства выражал и штаб-офицер Воронежской губернии:

> Немногие лица в руках которых вероятно находятся упомянутые отрывки (судя по тому что они знакомы с их содержанием), принадлежат к высшему кругу воронежского образованного общества — весьма впрочем небольшого. Занимая почетные места на службе и будучи сами помещиками, они очень хорошо понимают вред могущий произойти от их распространения, и потому не только не расположены к тому способствовать, но напротив желали бы их вовсе уничтожить[34].

Вполне ожидаемо, что большая часть жандармов из внутренних губерний отрицала нахождение в них изданий Герцена. Типичным ответом был, например, присланный из Тулы:

> ...все предписания о наблюдении за появлением в губернии возмутительных сочинений приняты мною к точному выполнению; но по производимым под рукою секретным дознаниям таковых до настоящего времени не открыто и не слышно даже разговоров о них; если же воззвания изгнанника Герцен и находятся у кого-либо, то весьма тщательно скрываются...[35]

Начальству, разумеется, такие ответы казались неудовлетворительными, и В. А. Долгоруков инициировал новый циркуляр, в котором «ставил на замечание недостаточность наблюдения за появлением» в губерниях «возмутительных воззваний изгнанника Герцена»[36]. В свою очередь, жандармы в более или менее пышных выражениях заверяли начальство, что прилагали все усилия для нахождения воззваний, но таковых не отыскивали: народный дух в губерниях, с их точки зрения, оставался здоров и невозмутим, и оппозиционные сочинения вызывали лишь неодобрение (среди редких прочитавших). Об этом сообщали из Калужской, Орловской, Олонецкой, Владимирской, Костромской[37] и других губерний. Кроме того, «слухи об эманципации сильно парализуют их («возмутительных воззваний». — *С. В.*) влияние»: готовящаяся крестьянская реформа занимала многие умы.

Любопытный комментарий оставил полковник Ф. С. Ракеев из Петербурга: по его мнению, лишь иностранцы могут привозить запрещенные издания «с каким-нибудь намерением»; наши же «вояжеры» действуют

---

[33] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 239. Ч. 10. Л. 423–423 об.
[34] Там же. Л. 446 об.–447.
[35] Там же. Л. 413–413 об.
[36] Там же. Л. 413.
[37] Там же. Л. 412–452 об.

«без всякой цели, по естественному желанию прочитать и провезти из-за границы хоть в кармане запрещенные сочинения, издаваемые небольшими брошюрами, которых здесь в продаже не находится»[38]. У полковника был большой опыт в работе с литераторами[39], однако в относительно либеральном 1857 г. он находит «желание прочитать и провезти из-за границы хоть в кармане запрещенные сочинения» «естественным»[40].

Часто в рапортах из провинции сообщалось, что «вообще сочинения Герцена ‹...› получаются из обеих столиц, где будто бы читаются они довольно свободно и находятся у многих»[41]. Намек здесь очевиден: рассадник крамолы — беспокойные столицы, в то время как в богоспасаемой провинции, под бдительным жандармским наблюдением, все тихо.

Жандармы в столицах, в свою очередь, ссылались на иностранцев, легкомыслие соотечественников, среди которых выделяли образованный слой, и литераторов. Об этом писал, а частности, московский подполковник Воейков 3-й, заменяя в своем донесении факты и анализ самыми обтекаемыми формулами и многословными риторическими фигурами[42]. О крестьянах же, по его мнению, беспокоиться нечего: опасности «при возможно тщательно-секретном ‹...› наблюдении в Москве еще не появлялось...»[43].

Среди подобных рапортов выделяется обширный и детальный отчет штаб-офицера из Рязанской губернии, представивший утешительную по намерению, но печальную по сути картину местной умственной и общественной жизни. В губернии все спокойно, так как чтение — занятие для немногих; литераторов и публицистов можно пересчитать по пальцам одной руки (и то некоторые проживают в столицах, равно как и большая часть местной знати).

> Помещичий класс в Рязанской губернии состоит преимущественно из мелкопоместных дворян, стоящих, по большей части, на весьма низкой степени образования и не занимающихся вовсе никаким чтением. Просвещенные же помещики почти все принадлежат к числу богатых владельцев и проживают или в столицах, или за границей, никогда не бывая в имениях, и лишь весьма немногие из них приезжают в имения на короткое время. Губернский город наполняют исключительно чиновники и лица торгового сословия: масса тех и других по образованию не выше массы мелкопоместных дворян. Образованнейшие из чиновников, хотя и занимаются литературным чтением, но весь выбор читаемых ими книг ограничивается каталогом клубной биб-

[38] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 239. Ч. 10. Л. 406–406 об.

[39] Определенными вехами в жандармской карьере Ф. С. Ракеева были сопровождение тела А. С. Пушкина в Святогорский монастырь в 1837 г., а также аресты Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевского в 1862 г.

[40] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 239. Ч. 10. Л. 406 об.

[41] Там же. Л. 404 об.

[42] Там же. Л. 437–438 об.

[43] Там же. Л. 438 об.

> лиотеки, состоящей из нескольких газет, некоторых журналов и русских классиков[44].

К сожалению, штаб-офицер не уточнил имена «русских классиков», чьи книги составляли часть фонда рязанской клубной библиотеки.

Далее оказывались, что новые книги покупают лишь трое в губернии, а литературным трудом заняты четверо (впрочем, на некоторых из них подполковнику стоило бы обратить больше внимания).

> Домашние библиотеки с новейшими беллетристическими сочинениями имеются у весьма немногих: у губернского предводителя Селиванова, управляющего Палатой государственных имуществ Замятина и чиновника особых поручений при Казенной палате Казначеева, но всех сих лиц я знаю весьма коротко и достоверно убежден, что сочинений Герцена у них нет, как равно нет и никаких рукописей по современным политическим вопросам.
>
> Литераторов в Рязанской губернии весьма мало: чиновник особых поручений при губернаторе Славутинский, Ряжский помещик князь Кропоткин, советник Палаты государственных имуществ Селиванов и Сапожковский помещик Кошелев, из них первые два сочиняют мелкие стихотворения и небольшие повествовательные пьесы, третий — печатает иногда статьи о хозяйстве, и последний, живущий почти постоянно в Москве, редактор «Русской Беседы» и известен вашему сиятельству как составитель одного из проектов об освобождении крепостных крестьян.

Вывод Ивашенцов делал самый утешительный:

> Таким образом, самые условия общественной организации служат уже ручательством в том, по крайней мере, что сочинения Герцена не могут быть распространены в Рязанской губернии, как, быть может, в других губерниях, и результат бдительного долговременного наблюдения обязывает меня иметь честь положительно удостоверить ваше сиятельство, что ни в котором из сословий Рязанской губернии не было и ныне нет ни одного случая и ни малейшего проявления к подозрению в существовании означенных сочинений у кого-либо в губернии[45].

Надо отметить, что о крестьянах Ивашенцов в своем рапорте не упомянул, вероятно, даже не подозревая их в возможности интересоваться оппозиционными текстами.

Еще одна яркая социологическая зарисовка представлена в рапорте из Вятской губернии. Судя по нему, с конца 1837 г., когда ссыльного Герцена перевели из Вятки, там мало что изменилось. Местные жители актуальными общественно-политическими проблемами не интересовались, а

[44] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 239. Ч. 10. Л. 409–410 об.
[45] Там же. Л. 410 об.–411.

новые ссыльные, как и раньше, должно быть, испытывали сложности в получении свежих публицистических изданий, тем более запрещенных.

Полковник Нейман сообщал, что местным жителям читать что-либо некогда:

> ...в Вятской губернии помещиков очень мало, а находятся одни только служащие чиновники, занятые постоянно службой, праздных людей почти нет, а если и есть, то мелкие чиновники, отставленные почему-либо от службы. Наблюдая секретно и со всей бдительностью... я до настоящего времени не только не мог заметить о появлении вышеозначенного сочинения, но даже никогда [не] слыхал и разговора о Герцене. В купеческом звании и простом народе, занятом деятельно своим промыслом, сочинения этого не предполагаю, имея равно и за ними строгое наблюдение...[46]

Один из выводов этого жандармского анализа неожиданно совпадал с известной пушкинской фразой о правительстве как единственном европейце (письмо П. Я. Чаадаеву, 19 октября 1836 г. (из черновиков) [Пушкин 1979: 511]). Цитировавшийся выше воронежский полковник Загорский делился соображениями с начальством:

> В настоящее время все сознают, что по взгляду на вещи Правительство опередило наше несколько неподвижное общество, и продолжает с твердостью идти впереди его. Относительно просвящения [sic!] — этого обществу довольно. Относительно административных реформ — смею сказать — слишком довольно...[47].

Перлюстрация: Герцен в глазах соотечественников

Одним из основных источников информации для III отделения о подданных, их взглядах, мнениях и намерениях (т. е. о «духе народном») в середине XIX в. оставалась перлюстрация писем.

Замечательно мнение о значимости перлюстрации, выраженное главноначальствующим над почтовым департаментом А. Н. Голицыным. В докладе Николаю I в 1841 г. он отмечал, что та «освещает императору предметы там, где формы законов потемняют, а страсти и пристрастия совершенно затмевают истину. Ни во что не вмешиваясь, она все открывает. Ни кем не видимая, на все смотрит, через нее государь узнает сокровенные чувства подданных и нужды их, слышит и вопль невинного и замыслы злодея...»[48].

Результаты перлюстрации в конце 1850-х годов (как ни были выборочны и во многом случайны вскрываемые письма) противоречили рапортам штаб-офицеров. Имя Герцена и его издания явно были известны публике, не только читавшей, но желавшей обсуждений прочитанного.

---

[46] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 239. Ч. 10. Л. 451–451 об.
[47] Там же. Л. 447.
[48] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 508. Л. 25–25 об.

Отношение авторов писем к Герцену, его общественно-политической и общечеловеческой позиции, вполне ожидаемо разделилось на два полюса: одобрительно-восторженный и ненавидяще-враждебный (нейтральных отзывов в перлюстрированных отрывках нет). Так, некий Днепровский из Харькова (вероятно, очень молодой человек) писал 23 апреля 1858 г. Николаю Петровичу Зубову в Санкт-Петербург:

> Ваше письмо совершенно сообразуется с моим образом мыслей. Я с самого приезда в Харьков перестал быть «верноподданическим рабом».
>
> Прошу с сего часа не считать меня таковым, в противном случае обидите меня самым жестоким образом. Согласен с вами, что мне не достает только наглядного содержания всех подлостей и низостей наших петербургских немцев, но Искандеровские сочинения заменяют мне его, а мое воображение дополняет. Скажу вам, где только существуют Искандеровские издания, там мало верят в святость и непогрешимость жителей Зимнего Дворца, а у нас здесь его издания нетрудно достать...[49]

Некто из Висбадена писал «к Ивану Дмитриевичу Асташеву, в Томске, 27 мая / 12 июня»[50] о благотворном, с его точки зрения, влиянии герценовских изданий:

> Сочинения, печатанные в Лондоне, Париже, Лейпциге и Берлине, на русском языке, вторгаются в страшных количествах и производят сильное впечатление даже там, где этого и ожидать нельзя было ‹...› Статьи «Колокола», «Голосов из России» и проч., имеют бичуя беспощадно существующие у нас злоупотребления, благодаря Господа, также огромное влияние; жаль только, что у нас мало охотников и мастеров писать: а можно бы этим путем сделать пропасть добра! Все статьи, которые я читал, дышут правдою и самою высшею благонамеренностью; и указывают не на одни дела, а на лица виновников этих дел. Вот тут-то и беда: Закревские, Панины, Орловы, Клейнмихели и все устаревшие Адонисы с вашими чухонскими Аспазиями, вооружаются для личной защиты и требуют, чтобы удесятерили цензуру и таможенный дозор...[51]

Некоторые авторы перлюстрированных писем изъявляли восторг перед Герценом, ставя его по значению наравне с Гарибальди. Нередко наиболее восторженные отклики принадлежали людям, демонстрировавшим хорошую начитанность и знания современного политического контекста.

---

[49] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 92. Л. 1.
[50] Датировка приводится по подлиннику.
[51] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 95. Л. 1–2.

Неизвестный автор письма от 3 октября 1860 г. из Иркутска в Гатчину к В. Н. Мустафиной восклицал:

> Особенно меня увлекает Герцен. Что за душа у этого человека! Надо благоговеть пред ним! Тут истина, животрепещущая мысль, которая сосредоточена на спасении России и народа. Вот теперь две личности на свете, два поборника добра, — это Искандер и Гарибальди. Один словами от сердца, исполненного любви к родине, другой делом и жизнию, — и тоже действует из любви к родине. Теперь не так трудно достать Искандера. Я прочла его тюрьму и ссылку, письма к Императору и Императрице, о воспитании Наследника, потом еще много других статей. Грустно, больно читать, а влечет, потому что родное сердцу[52].

После выписок агенты чаще всего представляли справки об авторах и адресатах писем, а также предположения о персоналиях и событиях, упоминаемых в письмах. О большей части выписок докладывалось императору, и далее, по установленной традиции, наблюдение за перепиской подозрительных лиц (в этом случае — замеченных в интересе к Герцену и в знакомстве с его изданиями) продолжалось.

III отделение собирало выписки и из критически настроенных по отношению к Герцену писем (об авторах таких писем справки не собирались). Таково, например, письмо «Левашева из Казани от 24 ноября 1858 г. к Николаю Александровичу Левашеву, в С. Петербурге» (вероятно, к сыну или иному младшему родственнику автора). Левашев-старший в письме уговаривал младшего и взывал к чувству опасности и здравому смыслу:

> Из письма твоего я вижу, что на твоих вечеринках ты думаешь иметь кроме всевозможных книг и иностранные журналы, которые русская ценсура не пропускает. Вот это-то последнее обстоятельство и может сгубить тебя. Христа ради не делай то, чего не позволяется. Ведь эти журналы только критикуют, ругают, а не учат. Хоть бы подлец Искандер, ругает наше Правительство, кричит, что все делается глупо, взывает к топорам (потому что сам, черт бы его душу побрал, живет в безопасности за морем), а не скажет да как же делать лучше. Вот если бы он объяснил это последнее обстоятельство, мы должны бы быть ему благодарны, в противном же случае всякий благомыслящий человек должен видеть в нем врага своего Отечества, может быть даже низкого наемщика англичан, одним словом, человека, который по ненависти или по найму желает возмутить свою родину. Скажи мне, что это за человек? Есть ли ему название?[53]

Вероятно, слухи о Герцене как «наемщике англичан» были популярны в определенных слоях общества.

---

[52] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1а. Д. 117. Л. 1.
[53] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1а. Д. 104. Л. 1–1 об.

Судя по всему, после этого письма за непутевым Левашевым-младшим было организовано наблюдение. Его чин и адрес жандармы быстро установили, но оказалось, чиновник Левашев по бедности вряд ли мог себе позволить активную социальную жизнь: он занимал «в квартире ‹...› одну небольшую комнату», куда «никакого общества не съезжается, чему помешало бы и самое тесное его помещение; вообще о Левашеве отзываются с хорошей стороны»[54].

Еще одно родительское увещевание — надо полагать, довольно типичное в наборе инвектив по отношению к изгнаннику — попало в перлюстрацию осенью 1860 г. Некая Енкуватова внушала сыну:

> Как бы не был дурен порядок, но все лучше анархии и чтобы избегнуть последнего нужно терпения и зрелый ум опытных голов. Неужели эти несчастные заблудшие ‹...› считали что умнее их между государственными людьми не найдется, что они только совершенные люди, что они только любят Россию и пропитаны гуманными идеями и что их судьба отметила перстом своим для улучшения правления? Бедная Россия верно клином сошлась что подобные неучи стали ворочать ею а все идол их Искандер в переводе отца подлец набил им головы что одна революция может спасти мир а они распустили ослиные уши и поверили. Он кричит из-за морей в нашу благоустроенную Россию: крови! крови! и дурни бросают спокойный уголок который, благодаря закону, у нас никто отнять н может и становятся в ряды недовольных потому только что Искандеру так угодно было а угодно ему потому, что закон ему противен а противен ему он — что он сам беззаконный. Чтобы смыть с себя клеймо наложенное на него с самого рождения нужно ему разрушить в сердцах все чистое, святое а как всему этому основанием служит религия так ратоборствует с остервенением против нее...[55]

Возмущенное послание, подписанное инициалами и адресованное из Парижа к графине Е. П. Ростопчиной в Москву (от 4 октября 1858 г.), содержало также предложения по контрпропаганде.

> Дивлюсь Английскому правительству, дозволяющему у себя издание таких журналов как Колокол, дерзость которого растет неимоверно ‹...› Не правда ли, что это воззвание так же гнусно как французские журналы во время террора, и что Герцен и Огарев сразу, по разглагольствованию, стали в уровень с Маратом и Отц. Дюшеном! Как жаль, что будучи здесь, так далеко от России, трудно, и даже невозможно, собрать нужные сведения, чтобы опровергнуть фактически все клеветы Колокола на Государя, на покойного Императора, на дворянство и на отдельные лица. Если бы была возможность собрать все эти сведения, то можно было бы написать по-русски полное опровержение и

[54] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1а. Д. 104. Л. 2.
[55] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1а. Д. 120. Л. 1–2.

> поместить его в переводе в Nord, и при этом выставить нарочно все нападки, или правильнее сказать, ругательства Колокола на Луи Наполеона, на Австрию, на Пруссию, на Папу, на Короля Неаполитанского и на Германский сейм, — тогда, может быть, все обруганные Правительства обратили бы внимание на это уже общее дело, и сообща потребовали бы от Англии воспретить подобное злонамеренное издание[56].

Можно предположить, Е. П. Ростопчину включили в число людей, чьи письма (вместе с ответами корреспондентов) регулярно перлюстрировались, еще со времени ее цензурно-поэтического скандала, связанного с публикацией стихотворения «Насильный брак» в 1846 г. Никаких дополнительных сведений о ней и авторе письма в деле нет: вероятно, они давно были известны тайной полиции.

III отделение явно испытывало недостаток в разнообразии и трудности в расширении списка авторов перлюстрированных писем: сложно предугадать, кто из многочисленных пишущих и отправляющих письма почтой будет затрагивать политические темы. Часть авторов, судя по всему, оставалась под наблюдением годами (как, например, упомянутая графиня Ростопчина), новые же объекты традиционно отыскивались среди адресатов потенциально и фактически «неблагонадежных» групп: литераторов, публицистов, родственников эмигрантов и их старых товарищей. Так, в том же 1858 г. III отделение обратило внимание на московский круг личных знакомых Герцена, среди которых были Н. Х. Кетчер, К. Т. Солдатенков, В. Ф. Корш. В. А. Долгоруков мыслил и действовал традиционно — на поданной о них справке он подписал: «Этот отзыв возбужден вопросом моим, лично переданным ген. Перфильеву, не находятся ли в сношении с Герценом Корш и Кетчер»[57].

В этом случае сплелись две нити: личное знакомство и возобновившаяся переписка с Герценом, а также прямое отношение к публицистике и книгоиздательству — в случае Солдатенкова и Корша, и косвенное — в случае Кетчера[58].

Надо полагать, личные знакомые Герцена никогда не упоминали его имени в письмах (сам Герцен подписывался женским именем *Emilie* в посланиях в Россию), и потому перлюстрация в их случае была малополезна.

Одна из самых экстравагантных идей для нахождения новых корреспондентов Герцена находится в «агентурном донесении о самоубийстве проживавшей в Петербурге полковницы Орловой, подозревавшейся в переписке с Герценом» (датированном 8 февраля 1861 г.). Речь идет, вероятно, об Анне Александровне Захарьиной-Орловой (двоюродной сестре Герцена и единокровной сестре Натальи Александровны Захарьиной-Герцен).

---

[56] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1а. Д. 100. Л. 1–2.
[57] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 239. Ч. 10. Л. 506.
[58] Там же. Л. 506–507.

Агент предполагал, что полиция будет вести следствие о причине смерти Орловой, а потому через них можно будет «потребовать выдачи всей переписки покойной, под предлогом необходимости удостовериться, не заключается ли в оной сведения могущие объяснить ее самоубийство»[59]. Вероятно, оригинальная идея агента не была поддержана начальством, и искать переписку Герцена с покойной сестрой его покойной же жены не стали.

Слухи и толки

Помимо перлюстрации, еще одним традиционным способом получения информации об общественном мнении был сбор агентами III отделения слухов. Агенты посещали людные места, слушали разговоры (или задавали наводящие вопросы) и время от времени описывали услышанное в донесениях.

20 марта 1858 г. агент сообщал:

> Неоспоримо, что в Петербурге есть люди кои с особенным удовольствием слушают рассказы об Искандере и с жадностью ловят каждое слово его повествований, — иногда просто здесь выдуманных и нисколько не принадлежащих к настоящей искандерщине (как некоторые благомыслящие люди называют его писания), — но надо по всей справедливости сказать, что все рассказы об нем, как заметно, отнюдь не бывают в публичных местах или собраниях, где, по-видимому, на этот счет весьма осторожны, — а всегда в семейных и искренних кругах людей со званием, образованность коих и добросовестность не допускают оставлять в них какие-нибудь следы дальнейших или вредных о сих рассказах размышлений, а принимаются там единственно в виде обыкновенных ежедневных любопытных разговоров, сменяющих один другого и теряющихся из памяти как в воздухе дым выходящий из трубы[60].

Предположения и поэтические сравнения заменяли агенту положительные сведения о Герцене и отношение к нему российских подданных. Кроме того, сама сводка, очевидно, написана с учетом заранее заданного вывода: продемонстрировать отсутствие действительных поводов для беспокойства власти.

В низших сословиях царит «возлюбленная тишина»:

> Утвердительно можно сказать ‹...› что простонародье (исключая простых книгопродавцев и букинистов), — о сочинениях Искандера решительно не имеет и понятия и не знает, кто и что он сам, — следственно, для сего сословия Искандер не опасен[61].

[59] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1а. Д. 123. Л. 1–2.
[60] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1а. Д. 88. Л. 2–2 об.
[61] Там же. Л. 2 об.

В описаниях настроений образованных сословий агент широко использует риторические вопросы вместо утверждений, цитирует самые невероятные слухи (демонстрируя, впрочем, незнание содержания упоминаемых в слухах герценовских статей), стараясь таким образом уменьшить «присутствие» Герцена в социальном и идеологическом поле.

> ...если (говорят здравомыслящие люди), сочинения его (Герцена. — *С. В.*) уже в первое время их появления и фурора, не произвели здесь никакого дурного последствия, — то можно ли ожидать чего-нибудь подобного теперь, когда (как заключают некоторые), — вся эта искандерщина страх уже надоела, ибо он начинает, будто бы, ходить по битому и перебитому полю, — и вероятно за неимением материалов, во многих местах повторяет одно и то же, ни дать ни взять, как Щедрин в своих Губернских Очерках! И что значит вся эта пустая болтовня? — Могут ли например быть здесь опасны следующие разговоры об Искандере, подслушанные в разных местах в течение прошедшей недели: 1) Говорили, что он заметно начинает более и более благоговеть к нашему Государю Императору и даже льстить Его Величеству, — порицая или обращая в смешную сторону только некоторых лиц и части управления в России. 2) Что Искандер сам отправляет в собственные руки Его Величеству по одному экземпляру каждого вновь отпечатанного его сочинения, «на авось (как будто он сам выразился)...»[62].

Нельзя не отметить, что популярность М. Е. Салтыкова-Щедрина в это время проникла и в среду жандармов и агентов III отделения: пожалуй, это наиболее часто цитируемый ими автор (не считая объекта донесений — Герцена; впрочем, тексты последнего читали, по-видимому, далеко не все служащие политической полиции). Отношение к Салтыкову-Щедрину, судя по донесениям и рапортам, амбивалентно: более или менее сдерживаемое неодобрение, с одной стороны, и соотнесение социальных реалий с содержанием его текстов — с другой, что представляет эти тексты неким мерилом, малоприятным, но авторитетным источником и взглядом, умолчать о котором невозможно.

И, конечно же, не обошлось без слухов о возвращении Герцена на родину. В донесении 24 мая 1861 г., среди прочего, сообщалось:

> Поговаривают также о том, будто бы Герцен намерен приехать нынешним летом в С. Петербург, под чужим именем, что это ему будет легко исполнить, так как иностранцы уже не обязаны являться в 3-е отделение, где он, без сомнения, тотчас был бы узнан[63].

Одно упоминание имени Герцена могло привести к запрету открытия нового периодического издания. В конце 1861 г. в III отделение поступила записка: «Печатаются листки о новом петербургском Вестнике предпо-

[62] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1а. Д. 88. Л. 2 об.–3 об.
[63] ГАРФ. Ф. 109. С/а. Оп. 1. Д. 126. Л. 1 об.

лагаемый к изданию неким Скворцовым родственником Герцена»[64]. Последовали административная переписка и выяснение личности Скворцова, которому в новом издании было отказано (скорее всего, именно из-за слухов о его якобы родственных связей с Герценом).

Донесения о слухах и толках редко имели следствиями какие-либо действия III отделения, они подшивались к делу и иногда «принимались к сведению». Однако само разнообразие и отчасти экстравагантность слухов о Герцене противоречили заявлениям агентов о малом интересе к нему. Как и всякая популярная фигура, присутствующая в социальном, политическом и культурном поле, фигура Герцена обрастала сплетнями, домыслами и «фейковыми» новостями.

Борьба с «виртуальным» присутствием Герцена

Популярность Герцена, его чрезмерное присутствие в общественном сознании, безусловно, беспокоили правительство, и с конца 1850-х годов начинают появляются предложения по борьбе с проблемой.

Часть из них нацелены на создание и усиление препятствий для перевоза изданий Герцена через границу и отслеживание ассортимента книгопродавцев. И то и другое оказалось затруднительно. Так, в 1858 г. новый министр А. М. Княжевич прислал свои размышления В. А. Долгорукову. В «записке, составленной в Министерстве финансов по известному предмету» (имя Герцена даже в конфиденциальных документах лишний раз не упоминалось) Княжевич сообщал начальнику III отделения:

> Ни одному Правительству не удавалось еще до сих пор прекращать какими-либо распоряжениями тайный ввоз и вывоз не токмо предметов столь малого объема, каковы книги и рукописи, но даже и громоздких товаров. У нас это менее возможно, нежели где-либо, по огромному протяжению сухопутных наших границ.

Кроме того, довольно много товаров перевозится без таможенного досмотра (членами царской фамилии, дипломатами, а также дипломатической почтой). Министр финансов сетовал на мощный неподконтрольный поток товаров и изданий, ввозимых в Россию («не только ‹...› посылки с книгами и рукописями ‹...› а также ‹...› разные съестные припасы, как то: черепаховые супы, страсбургские пироги и т. п.»[65]). Присутствующий незримо в Российской империи Герцен заставил власть (III отделение в том числе) раздумывать об особенностях нового мира, в котором запретить распространение информации (и, видимо, страсбургских пирогов) стало практически невозможно.

Обширная записка министра через два года была включена в доклад Александру II «По Высочайшим отметкам в отчете 3-го Отделения за 1860 год»: император хотел знать о мерах, предпринятых в связи с герценов-

[64] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 36. Д. 494. Л. 4.
[65] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 239. Ч. 10. Л. 502–503 об.

ской проблемой[66]. Судя по этому докладу, III отделение и «министры по принадлежности» (т. е. народного просвещения, финансов и юстиции) ничего действенного придумать не смогли:

> ...нельзя надеяться, чтобы ввоз из-за границы запрещенных книг, и по введении означенных правил, решительно прекратился, но можно ожидать, что ввоз этот будет по возможности ограничен[67].

Еще одним возможным способом если не уничтожить, то уменьшить влияние Герцена виделась контрпропаганда. Идеи о создании периодического органа за границей, описывающего современные события с проросийской точки зрения, или о написании отдельных апологетических статей в иностранные издания, существовали и отчасти были реализованы еще при Николае I (см., например: [Черкасов 2008]).

Ситуация с Герценом была иная: требовалось воздействие не на иностранную, а на русскую аудиторию, и осложнялась ситуация запретом на публичное упоминание имени Герцена на территории Российской империи.

В описываемое время добровольцем выступил чиновник особых поручений при Главном управлении цензуры Н. В. Елагин. Судя по всему, он руководствовался не идейными соображениями, а надеждой на некие ощутимые выгоды от сотрудничества с начальством III отделения. В октябре 1859 г. В. А. Долгоруков и начальник штаба Корпуса жандармов А. Е. Тимашев получили экземпляры книг «Искандер Герцен» и «Русское духовенство», изданных Елагиным за границей. Причем Долгоруков получил два экземпляра «Искандера Герцена» — один «для домашней библиотеки», второй — для представления императору. В сопроводительном письме Долгорукову Елагин объяснял:

> Несколько лет уже выходец, Александр Герцен, печатает за границею книги на русском языке, с целию ослабить религиозные понятия, заменить монархическое правление анархиею и уничтожить всякие власти в России. Как не безумно его намерение, однако книги его читаются русскими; человека твердых правил и опытного в жизни, он не собьет с пути; но люди молодые и легкомысленные могут мало-помалу усваивать себе разрушительные мысли. В нынешнее время печатное слово имеет столь сильное влияние на все ветви государственной жизни, что книги Искандера, как не предосудительно их содержание, едва ли могут оставляться без внимания, и превратные идеи его лучше всего разрушать посредством печатного же станка. В иностранных журналах были помещаемы небольшие статьи против него, на русском же языке до сего времени ничего в обличение ложного учения не печаталось, хотя предназначено исключительно для русского народа и передается весьма искусно, между рассказами о злоупотреблениях, которые более или менее известны публике.

[66] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 539. Л. 1–1 об.
[67] Там же. Л. 3 об.

Интересно, что Елагин не связывал информированность публики о «злоупотреблениях» с герценовскими публикациями.

> Чтобы раскрывать всю нелепость и весь вред пропаганды Герцена — в смысле религиозном, политическом и нравственном, я старался в особой книге разобрать его систему[68].

Руководство III отделения не выказало большого энтузиазма по поводу полученных из Берлина книг, однако позже, посовещавшись с министром народного просвещения, «Искандера Герцена» передали царю.

Судя по справке, представленной также в деле, Елагин не выглядел как достойный оппонент Герцена в информационной войне:

> Статский советник Николай Васильевич Елагин, чиновник особых поручений при Главном управлении цензуры. Прежде он был цензором. Им изданы: «Жизнь графини А. А. Орловой-Чесменской», «Жизнь князя П. А. Ширинского-Шихматова», бывшего министра просвещения и другие брошюры.
>
> Сочинения его, не ознаменованные талантом, исполненные лести и приторных хвалений, никогда не пользовались уважением и почти никем не читаются.

Чуть ниже, почерком, вероятно, А. Е. Тимашева, было приписано: «Жаль что подобный труд взял на себя человек мало уважаемый и как личность и как литератор»[69].

Книга в этот раз не была разрешена к распространению в России (в 1862 г. запрет был снят), однако о ней стало известно Герцену, и в листе 57–58 «Колокола» (от 1 декабря 1859 г.) он ответил более чем язвительно, тем самым подтверждая, что на полемическом поле такие, как Елагин, битвы не выиграют[70].

Соображения о незримом существовании Герцена и его влиянии в России заботили не только тайную полицию и государственных деятелей, но и людей, для которых подобные проблемы не были частью профессионального долга. Их предложения (также подшитые в дела III отделения о Герцене) интересны, среди прочего, и как красноречивые свидетельства о духе времени — удивительно (по отношению к характеру предыдущего, да и последующего правления) либерального.

---

[68] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 89. Д. 562. Л. 1–3.

[69] Там же. Л. 4–4 об.

[70] Позволю себе частично процитировать ответ Герцена:

«Какой-то *Н. Елагин* сам-*третий* издал в Берлине против меня тупую и грубую книгу под заглавием “Искандер-Герцен”.

Я не буду отвечать на брань Елагину ‹…› Что, в самом деле, сказать на сквернословие каких-нибудь синодальных писарей и семинарских риторов старого порядка, — кроме того, что отвечал знаменитый Фокс одному лорду, написавшему к нему письмо, исполненное брани и дерзости. “Sir, письмо ваше от такого-то числа я получил. Оно теперь *передо мной*, через четверть часа оно будет *за мной*, о чем честь имею вас уведомить”» [Герцен 1954–1966 (14): 205].

В мае 1855 г. анонимное письмо (от некоего «верующего в науку») было получено министром внутренних дел С. С. Ланским. «Отчего для мужчин интересно то, что женщины закрывают платьем? Оттого именно, что это закрыто», — утверждал автор, сразу привлекая читательское внимание. По его мнению, «искандеровские издания» — тот же запретный плод, и для обнаружения несостоятельности политических, экономических и социальных идей Герцена нужно всего лишь «позволить перепечатывать в здешних журналах искандеровские статьи, с малыми лишь исключениями, с заменою собственных имен первыми буквами, и с обязанностью закончить перепечатку критическим разбором»[71].

Далее автор письма перечислял положительные стороны текстов Герцена: они направлены на благо, дурны лишь средства, но объяснения и комментарии исправят ситуацию и просветят неразумных.

> В искандеризме благонамеренны: глубокое сознание истины, правды, добра, отвращение от лжи и зла; горячая любовь к ближним, к родине, к человечеству; вообще дух евангелия. Нелепыми же можно назвать научные средства, помощью которых искандеризм полагает достигнуть своего благой цели, т. е. общественного счастья. Эти-то средства, с дозволения искандеризма, не устоят против критики и науки; все же благое осветит русскую литературу новым, спасительным блеском[72].

Прогрессист также был уверен: необходимо повышение уровня образования, особенно специального, и просвещенные соотчичи пойдут путем постепенных реформ, без социальных и политических потрясений (надо «расширить преподавание политической экономии. Экономисты pur sang стоят за порядок, закон и умеренный прогресс, сознают непродуктивность запрещений и стеснений, защищают власть и собственность»)[73].

Интересно, что аноним в письме использует не имя Герцена, а дериват от его псевдонима, превращающий Герцена-автора в целое явление, для борьбы с которым стоит реформировать всю систему цензуры в стране.

Еще более либеральный и гуманистический план предложил генерал-майор, участник обороны Севастополя (и публицист) Н. Б. Герсеванов. Осенью 1858 г. он направил письмо А. Е. Тимашеву (с которым познакомился «во время войны»: оба участвовали в нескольких кампаниях, от Кавказской до Венгерской и Крымской). В письме Герсеванов делился впечатлениями от пребывания за границей:

> Более всего меня поразило, что наша молодежь не только читает произведения г. Герцена, но изучает их, заучивает наизусть и относится к ним, чуть-ли не как к Евангелию. В целом эти произ-

[71] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 239. Ч. 10. Л. 525–525 об.
[72] Там же. Л. 525 об.–526.
[73] Там же. Л. 526.

> ведения — не что иное, как собрание пасквилей, в которых лично оклеветаны самые выдающиеся люди, и, в то же время, эти писания в высшей степени революционны... [Герцен 1915–1925 (9): 445–446].

Герсеванов делал справедливый вывод: Герцен «становится силою, и силою самою вредною».

> Чтобы заставить его замолчать, нужно или подкупить его, — но это, вероятно, невозможно, — или позволить ему, как Н. Тургеневу, вернуться в Россию, даровав ему полную амнистию [Там же: 446].

Далее генерал вспоминал, что встречался с Герценом и лично: во время командирования «во Владимирскую губернию для занятий статистикою», в то время как Герцен был редактором «местного официального органа печати (“Губернских Ведомостей”)» и сам писал заметки о статистике, и позже — в Петербурге. «Тогда незаметно было в нем честолюбие; он занимался философией и историей и, казалось, был далек от революционных мыслей», — замечал Герсеванов и делал предположение, что Герцен «подвергся преследованиям», «бросился в ряды недовольных» и «с отчаяния эмигрировал». Он же уверен, что тот страстно желает вернуться в Россию и «в глубине души чувствует себя слишком русским человеком, чтобы не прислушаться к предложению амнистии». Более того, генерал-майор, сделавший карьеру в основных военных кампаниях Николая I (включая подавление венгерского восстания), искренне сострадал драме изгнанника Герцена и предлагал свою помощь в организации его возвращения. «Если вы, генерал, разделяете это мнение, я мог бы взять на себя переговоры по этому щекотливому делу, — заключал он и сообщал свой адрес, — если же нет — позволю себе надеяться, что вы моему письму не дадите никакого дальнейшего хода» [Там же: 446]. Человек, большую часть жизни проживший при Николае I, не мог не осознавать риска подобных предложений.

Неизвестно, согласился бы Герцен на предложение. Если раньше в письмах он порой писал о тоске по родине и страстном (но уже осознаваемо несбыточном) желании вернуться, то к концу 1858 г. и явная популярность его изданий (т. е. успешность «виртуального» присутствия их автора на родине), и большое количество русских приезжих в Англии, навещавших его и восполнявших недостаток в социализации, делали его физическое возвращение необязательным.

С того же 1858 г. у Герцена возникает и оформляется новая идея — отправить в Россию сына Сашу: «А хотел бы я, чтоб он, поучившись бы, поехал бы домой на Москву-реку...», — писал он давней подруге М. Ф. Корш 10/22 июля 1858 г. [Герцен 1954–1966 (26): 194]. С течением времени желание отправить сына в Россию крепнет: «Я на твоем месте прожил бы там года два, три — присмотрелся бы к иной арене», — пишет он ему 26 января / 7 февраля 1860 г. [Там же (27): 16]. Формальной причиной Герцен-

отец называет получение оставшегося (секвестированного) наследства, неформальной — «положить пальцы в раны — той страны, которая теперь становится задачей для всех дальновидных умов» [Там же].

4 декабря 1858 г. А. Е. Тимашев доложил о предложении Н. Б. Герсеванова В. А. Долгорукову, и на письмо последовала резолюция: «по неудобству предлагаемого способа, оставить без последствий» [Герцен 1915–1925 (9): 446].

Александр Герцен-младший также не приехал в Россию.

Физически Герцен остался за границей, присутствие же его в России становилось все более ощутимо — до 1863 г.

Источники

Герцен 1915–1925 — *Герцен А. И.* Полн. собр. соч. и писем / Под ред. М. К. Лемке. Пг./Л.; М.: Изд. насл. автора; и др., 1915–1925.

Герцен 1950 — *Герцен А. И.* Материалы А. И. Герцена / Публ. и коммент. Л. Барсуковой // Звенья: Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV–XIX вв. Т. 8 / Под общ. ред. Влад. Бонч-Бруевича. М.: Гос. изд-во культ.-просвет. лит., 1950. С. 24–102.

Герцен 1954–1966 — *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954–1966.

Отчеты 2006 — «Россия под надзором»: отчеты III отделения 1827–1869 / Сост. М. В. Сидорова, Е. И. Щербакова. М.: Рос. фонд культуры; Рос. Архив, 2006.

Пушкин 1979 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 10: Письма. Л.: Наука; Ленингр. отд-е, 1979.

Розенблюм 1959 — Г. Г. Перетц — агент III отделения / Сообщ. Н. Г. Розенблюма // Литературное наследство. Т. 67: Революционные демократы: Новые материалы / [Гл. ред. В. В. Виноградов]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. С. 685–697.

Семенов 1889 — *Семенов Н. П.* Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу. Т. 1: Первый период занятий. СПб.: Изд. Меркурия Елеазаровича Комарова, 1889.

Сыроечковский 1925 — Корф в полемике с Герценом / [Предисл. Б. Сыроечковского] // Красный архив. 1925. Т. 3 (10). С. 308–317.

Тарле 1937 — Донесения Якова Толстого из Парижа в III отделение / Ст. Е. Тарле // Литературное наследство. Т. 31–32 / Пригот. С. А. Макашин. (Русская культура и Франция; 2). М.: Журнал.-газ. объединение, 1937. С. 563–662.

Сокращения

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва).

Литература

Лилти 2018 — *Лилти А.* Публичные фигуры: изобретение знаменитости, 1750–1850 / [Пер. с фр. П. Каштанова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2018.

Черкасов 2008 — *Черкасов П. П.* Русский агент во Франции: Яков Николаевич Толстой, 1791–1867. М.: Т-во науч. изд. КМК, 2008.

References

Cherkasov, P. P. (2008). *Russkii agent vo Frantsii: Iakov Nikolaevich Tolstoi, 1791–1867* [Russian agent in France: Yakov Nikolaevich Tolstoy, 1791–1867]. Tovarishchestvo nauchnykh izdanii KMK. (In Russian).

Lilti, A. (2014). *Figures publiques: L'invention de la célébrité, 1750–1850.* Fayard.

* * *

Информация об авторе

Светлана Михайловна Волошина
кандидат филологических наук
старший научный сотрудник,
Лаборатория историко-культурных исследований, Школа актуальных гуманитарных исследований,
Институт общественных наук,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва,
пр-т Вернадского, д. 82
✉ *s.m.voloshina@gmail.com*

Information about the author

Svetlana M. Voloshina
Cand. Sci. (Philology)
Senior Researcher, Center for Cultural Studies, School for Advanced Studies in the Humanities, Institute for Social Sciences, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt Vernadskogo, 82
✉ *s.m.voloshina@gmail.com*